

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

СЕРДЦЕ ПОД
ПОДОЗРЕНИЕМ

МОСКВА

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

В Л А Д И М И Р

КОЛЫЧЕВ

СЕРДЦЕ ПОД
ПОДОЗРЕНИЕМ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 Сердце под подозрением / Владимир Колычев. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-221394-6

Илья Холмский работает врачом «скорой помощи». Опытный специалист и основательный немолодой уже человек, он имеет одну уникальную особенность: по определенным признакам Холмский может вычислить убийцу прямо на месте преступления. За это сыщики дали ему прозвище Доктор Холмс. Следователь Лидия Парфентьева не прочь завязать с Холмсом близкие отношения, а заодно воспользоваться его способностями, чтобы раскрыть несколько висящих на ней «глухарей». Доктор идет навстречу молодой привлекательной женщине. Однако выводы, которые он делает в результате своего расследования, повергают в шок не только Лидию, но и весь Следственный комитет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221394-6

© Колычев В.Г., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Лето, четыре утра, уже светло, воздух еще теплый после вчерашнего дня, а трава, цветы за ночь успели остыть, выпала роса, поблескивают капельки воды на листьях и лепестках. А может, цветы просто плакали, скучая по дневному теплу. Солнце выглянуло из-за горизонта, слезы сохнут, на кустах шиповника раскрываются венчики цветов, ждут опыления. Но пчел еще нет.

У дома на окраине города остановилась скорая помощь. Ворота приоткрылись автоматически, водитель остался в машине, врач и фельдшер прошли во двор. Причина вызова — человек с черепно-мозговой травмой, возможно, криминального характера. Впрочем, Илья Геннадьевич Холмский всегда включал свой персональ-

ный видеорегистратор, пересекая границу частной собственности, охраняемую законом.

Дверь открыла взлохмаченная девушка в желтом худи, свободный покрой которого не мог скрыть четвертый как минимум размер груди. Маленький аккуратный носик, большие глаза, тушь по векам размазана, на пухлых губках розовая помада неровным слоем, видно, девушка подкрашивалась второпях. На полу в прихожей неподвижно лежал человек. Лаверов Родион, если верить диспетчеру, сообщившему о травме. Лежал человек, изначально рукой касаясь двери. Когда девушка открыла дверь, кисть безжизненно легла на истертый ногами порожек. Сейчас девушка стояла, едва не касаясь ногой головы покойника, в волосах которого поблескивали осколки стекла зеленоватого оттенка. И вокруг трупа валялись осколки, в том числе крупные. Волосы у Лаверова густые, но это не очень-то смягчило удар. Волосы сухие, значит, били пустой бутылкой. Из-под шампанского. Били со всей силы, на убой, если бутылка разбилась.

— Отойдите, пожалуйста!

Движением руки Холмский не столько отгонял девушку, сколько задавал направление движения назад. Отступая, она все-таки задела ногой голову лежащего на полу мужчины. Под подошвой тапочки хрустнул осколок стекла.

Холмский нарочно произнес фразу громким голосом: наблюдал за реакцией, скорее всего, умершего уже человека. Абсолютно никакого отклика.

Ни дыхания, ни пульса, но это еще не признак смерти. Возможно, мозг еще не умер, сердце можно запустить. Холмский присел, поднял веко, осмотрел глаз, слизистая еще не высохла, помутнение не наступило, но живой блеск уже исчез. Он надавил на глазное яблоко, и зрачок приобрел вытянутую форму. Симптом «кошачьего глаза» — верный признак наступившей смерти. Дефибриллятор уже не нужен.

— Вам нужно было в полицию звонить!

Прихожая плавно перетекала в холл, свет в помещении не горел, глаза постепенно привыкли к сумраку. И Холмский заметил стоящего за девушкой человека, который одной рукой держался за голову.

— Так он живой был!.. Умер, пока вы ехали! Быстрее нельзя было?

Девичий голос истерично дрогнул. Девушка явно не в себе, но это неудивительно. На глазах человека убили. Да и вранье давалось ей непросто. Одно только положение руки покойного говорило о том, что смерть наступила практически мгновенно. Да и скорая подъехала быстро, всего за каких-то двенадцать минут.

— В полицию звонили? — доставая телефон, спросил Холмский.

— Да нет... Думали, спасем.

— А вы почему за голову держитесь?

Глаза окончательно привыкли к темноте, Холмский смог разглядеть стоящего рядом с девушкой парня. Маленькие глаза, широкий нос, тяжелый подбородок, крепкая голова на массивной шее, широкие покатые плечи, среднего роста. В одних носках, без тапочек. А вокруг стекла. Много стекла.

— Да так! — парень поспешно убрал руку от головы.

— Осторожно, не порежьтесь, — предостерег Холмский.

Парень кивнул, боком сдал в комнату, и там темно. Свет горел только на кухне.

Холмский позвонил в дежурную часть, сообщил о происшествии, только тогда сказал, что должен осмотреть парня. Вдруг и у него травма головы.

Но идти по осколкам не хотел, да и натаптывать вокруг трупа нежелательно.

— У вас есть второй выход? — спросил он.

— Да, обойти надо, — не сразу и без энтузиазма, но все-таки ответила девушка.

Она показала, с какой стороны нужно обогнуть дом, чтобы зайти на кухню. Холмский вышел, выразительно посмотрел на свою помощ-

ницу. Они с Лией уже два года вместе работают, совсем еще девчонка, двадцать три года недавно стукнуло. Парень есть, любовь, свадьба не за горами, вся жизнь впереди. А Холмский уже в годах, пятьдесят восемь стукнуло, и все у него в прошлом. Перспектива собственной смерти его тревожит, но уже не пугает.

— Нечисто там что-то, — шепнул он. — Здесь будь, если крикну, беги!

Он забрал у девушки укладку, обошел прилегающий к дому гараж, поднялся на крыльцо с потрескавшимися от времени ступеньками. Обратил внимание на калоши со свежими следами грунта на них, прямо под козырьком стоят, три пары, все большого размера. На подошве глина с рыжеватым оттенком, на носках земля, богатая перегноем. Как будто кучу компоста в этих калошах разворошили. От стены до опорного столба перила, на бетонной отмостке блестят в утреннем свете осколки зеленоватого стекла, в том числе днище от бутылки шампанского и часть стенки с этикеткой. Лопата в землю воткнута. Трава, прилегающая к полотну, сухая, в то время как вся остальная еще мокрая. Осколки долетели до лопаты, один ударился в черенок, отскочил и упал рядом.

Участок немаленький, между домом и дальним межевым забором соток шесть невозделан-

ной земли. Трава, садовые деревья, под навесом стоит, ждет своего часа электрическая газонокосилка. Илья Геннадьевич пожал плечами. У него тоже частный дом, поменьше этого, но земля не простаивает. И теплицы есть, и картошечку высаживает, капуста, лук, все свое.

Холмский прошел в дом, девушка встретила его, поманила за собой, свернула в холл. Он осмотрел кухню, натоптано здесь, впрочем, как и везде, на полу зеленоватые осколки стекла, совсем чуть-чуть, всего несколько стеклышек. На разделочном столе в глубине кухни Илья Геннадьевич заметил горлышко от бутылки. На обеденном столе сразу возле входа следы пиршества, початая бутылка водки, две рюмки, пара фужеров, упаковка сока, стаканы, сыр на тарелке, колбаса, заветренный салат. Три пробки от шампанского в ряд, одна за другой как солдатики во главе с генералом — красным тубом с помадой малинового цвета. На спинке стула сиротливо висела раскрытая дамская сумочка, Илья Геннадьевич не поленился, заглянул в нее издалека, заметил колпачок от тюбика такого же красного цвета.

И еще взгляд зацепился за прикрепленные к стене воздушные шарик, на одном красовалась надпись: «С днем рождения, Катя!» На другом коряво было выведено: «К+Р» — и равнялось это изображению сердечка. Над которым

уже другая рука подрисовала еще одно сердце. Верхнее сердечко острием тыкалось в раздвоенность нижнего, оставалось только догадываться, что все это значило. Под шариками на стене Илья Геннадьевич заметил следы крови, довольно свежие, в которой отпечатался нос. Видно, человека ударили, он врезался в стену, прилип к ней лицом, но убрал голову не сразу. Какое-то время думал, что делать. Или даже потерялся в пространстве и времени. А может, и сознание потерял.

В межкомнатном холле свет зажгли только что. На полу осколки — и зеленоватые, и совсем прозрачные. Одну бутылку разбили о Лаверова, вторую обрушили на голову парня, который сейчас сидел на диване в гостиной и пристально смотрел на врача. Он хотел улыбнуться ему, но не получалось. Холмский представлял для него опасность.

— Мне совершенно все равно, как и что здесь у вас произошло... — сказал Илья Геннадьевич, поставив чемодан на диван рядом с парнем.

Он не хотел осматривать комнату, но взгляд сам скользнул в тесный закуток между диваном и креслом, а там на полу лифчик, причем нулевого, максимум первого размера. А на полке декоративного камина лежала фотография Лаверова, Холмский узнал его по волосам, по форме

носа. Фотография испорчена, кто-то подрисовал к голове парня рога.

Холмский осмотрел рану на голове. Шишка, кровоточащий порез, снаружи ничего серьезного, но внутри возможна гематома.

— Совершенно все равно, — повторил он. — Но документы я у вас попрошу, паспорта, полисы, надо будет заполнить карточку вызова... И думаю, вам нужно будет проехаться с нами. Снимок сделаем.

— Да не надо, доктор! Я потом, сам как-нибудь.

— Уговаривать не буду... Бутылкой из-под водки ударили? — спросил Холмский.

— А если из-под самогона? — скривился парень.

— Самогон тоже хорошо. Самогон — антисептик. И столбнячной палочки в нем нет.

Холмский обработал рану антисептиком, на этом и закончил. Девушка принесла свой и парня паспорта. Маркушина Екатерина Сергеевна и Маркушин Никита Сергеевич. Брат и сестра, даже спрашивать не надо, и без того ясно.

— Что, даже не спросите, кто... почему Радик мертв? — Маркушин тяжело смотрел на Илью Геннадьевича.

— У Радика документы есть? — спросил Холмский.

На живого нужно заполнить карточку вызова, на мертвого — составить сигнальный лист, зафиксировать факт смерти. А потом еще с полицией объясняться, а это бумаги, бумаги. Формальности нужно воспринимать как снег посреди зимы, никуда от них не денешься.

— Я Радика ударил.

— Несильно, — закивала Маркушина, заискивающе улыбалась, глядя на Холмского.

Но при этом угрожающе смотрела на него. Пусть только попробует не поверить ей.

— Радик упал, ударился, хотел встать, я сказала лежать, вдруг он там что-то сломал, нельзя тревожить...

— Бывает иногда, — на всякий случай согласился Холмский. — Что нельзя тревожить.

Его дело маленькое: оказать помощь или зафиксировать смерть, с уголовной составляющей пусть разбирается полиция. Судмедэксперт вынесет заключение, а прокурор пусть решает, умышленное это убийство или причинение смерти по неосторожности. Илья Геннадьевич тоже даст показания и скажет, что потерпевший умер сразу. А пока будет соглашаться с версией убийцы, это его ни к чему не обязывает.

— Радик лежал, лежал. И умер, — вздохнул Маркушин.

Он хотел пальцами коснуться раны, но спохватился и отдернул руку. Как будто голова током билась.

Поворачиваясь к парню спиной, Холмский потрогал видеорегистратор, спрятанный в нагрудном кармане, выглядывал только глазок. Время звонка четко зафиксировано, видеозапись с хронометражом, так что вряд ли Маркушины смогут обвинить скорую в медлительности. Но попытка будет, шестое чувство редко его обманывает.

К дому подъехал полицейский «уазик», а диспетчер передал новый вызов. Подозрение на ангионевротический отек, свободных экипажей поблизости от адреса нет, Холмский уже закончил здесь работать, через десять минут он уже может быть на месте. Если поспешить. С отеком Квинке шутки плохи, поэтому с полицией объясняться он будет потом, каждая минута дорога.

Выходил он через кухню, Маркушина стояла у стола, она торопливо поворачивалась к нему. В кулачке девушка что-то сжимала, Холмский не стал спрашивать, с безучастным видом прошел мимо. Но глаза его жили своей жизнью, он успел заметить, что со стола исчезла губная помада. И сумочка, кажется, уже не висела на спинке стула.

Дверь главного входа оставалась незапертой, Холмский не поленился подняться на крыльцо,